

УДК 159.9.072.43

## ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ

Геннадий Г. Буторин<sup>1, @1</sup>, Лариса А. Бенько<sup>2, @2</sup>

<sup>1</sup> Челябинский государственный педагогический университет, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

<sup>2</sup> Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия, 454092, г. Челябинск, ул. Воровского, 64

@<sup>1</sup> g1966@mail.ru

@<sup>2</sup> larisbenco@mail.ru

Поступила в редакцию 22.03.2016.

Принята к печати 16.06.2016.

**Ключевые слова:** психологическое здоровье семьи, вынужденная миграция, социально-психологический кризис, модель семьи.

**Аннотация:** Полидисциплинарной группой специалистов, в которой участвовали педиатры, детские неврологи и психиатры, школьные психологи, логопеды, дефектологи, а также специалисты по социальной работе, была изучена динамика психологического здоровья 121 семьи русскоговорящих мигрантов из бывших советских республик в условиях миграции. Был проанализирован характер семейного общения и стиль взаимоотношений родителей и детей в данной группе, как до миграции, так и в изменившихся социально-психологических условиях. В большинстве случаев в семьях до миграции можно было констатировать вполне приемлемые, адекватные условия и стиль воспитания, которые характеризовали семью как стабильную и благополучную. Оценивая ретроспективно все позитивные психологические отношения родителей к детям в этих семьях, нами условно были выделены несколько их моделей. Как показали исследования, социально-психологический кризис семьи приводит к изменению ее структуры, к смене общего психологического статуса семьи и сказывается, прежде всего, на системе воспитания. В семьях мигрантов был отмечен значительный рост разводов. В остальных семьях, сохранивших свою структуру, нарушения социального статуса сопровождались изменениями общей атмосферы семьи с более или менее выраженными признаками психологической напряженности. Во многих семьях была отмечена смена воспитательных подходов. Как результат психологического напряжения резко возросло число конфликтных ситуаций, свидетелями которых становились дети. Результаты исследования свидетельствуют, что число распавшихся семей увеличилось почти в 8 раз. Кроме того, в семьях, находящихся на грани развода, стали отмечаться конфликтные взаимоотношения. Неспособность семей эффективно приспособиться к новым условиям стала причиной асоциальных форм поведения у детей.

**Для цитирования:** Буторин Г. Г., Бенько Л. А. Патологическая трансформация структуры семьи в условиях вынужденной миграции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 134 – 141. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-134-141.

*“Любовь, нежность и забота, полученные в семье в детстве, позволяют человеку стать сильным духом, стойко переносить тяготы жизни и проявлять себя незаурядной личностью...”*

*Т. Уайлдер*

### **Введение**

Проблема миграции всегда остается актуальной не только для социологии или истории, но во многом находит свое отражение и в психологической науке. Сегодня становится очевидным, что психологи столкнулись с целым рядом проблем, которые требуют немедленного и кардинального решения. Перемещения и переселения больших масс людей затронули не только политические и экономические, но и социально-психологические основы многих государств. Историю миграции в определенном смысле можно рассматривать как часть истории че-

ловечества. Поэтому понятно, почему двадцатый век получил название «века мигрантов». В конце XX – начале XXI вв. мы наблюдаем нарастание процессов глобализации, которые так или иначе затрагивают все сферы общественной жизни и создают беспрецедентную по своим проявлениям систему взаимозависимости стран и народов в мире. В последние годы и сам процесс миграции населения и попытка его регулирования становятся объектом самых разнообразных наук: истории, политологии, социологии. Её вынуждены изучать экономисты, психологи и даже психиатры. Во многих странах мира проблемы миграции стали актуальными настолько, что повысился спрос со стороны органов власти на рекомендации по поводу миграционной политики и учету миграций в социально-экономическом развитии стран и регионов.

Распад союзного советского государства в 90-х гг. XX в. поставил новые задачи изучения миграционных

процессов. На ряде конференций и «круглых столов» высказывалось мнение, что исследование истории миграции поможет уяснить механизм конфликтных ситуаций и будет способствовать их урегулированию в новых политических и социально-экономических условиях.

Следует признать, что процессы миграции в нашей стране во многом отличаются от таковых в других странах, даже от тех, что происходят у наших ближайших соседей – в Европе. В свое время после распада союзного государства Россия объявила о готовности принять всех бывших своих граждан, которые захотят принять российское подданство. Как результат в период с 1992 г. согласно официальной статистике Федеральной миграционной службы России по причинам национальной дискриминации, а также политических и экономических причин на территорию России из различных регионов постсоветского пространства переселилось более 3 млн человек, которым требуется жилье, рабочие места, социальное обеспечение, образование и т. д. [6].

### **Материал и методы исследования**

Мультидисциплинарной бригадой специалистов, в которую входили врачи (педиатры, неврологи, психиатры), психологи и специалисты по социальной работе, было прослежено изменение психологического здоровья 121 русскоговорящей семьи, после того как они были вынуждены переехать в Россию из бывших советских республик. Был использован комплекс как клинических, так и параклинических, а также психологических методов. В работе с родителями и детьми применялись структурированное интервью и опросники. При обработке данных обязательно учитывались сведения, предоставленные педагогами, родителями, и полученные из медицинских карт и педагогических характеристик. Настоящее исследование явилось продолжением ряда исследований, проведенных авторами в составе мультидисциплинарной группы в 2000-х гг. [4]. Как показал анализ последних результатов, выводы и предположения, сделанные по итогам предыдущих исследований, нашли свое подтверждение в рамках вновь полученных данных, а деструктивная динамика семейной структуры во многом оправдала негативные ожидания.

Сравнительно-возрастной метод оценки особенностей психического развития был продиктован онтогенетическим направлением исследования. Клинические методы в патопсихологических исследованиях считаются основными, поэтому наблюдаемые нами психические состояния изучались клинко-анамнестическими, клинко-психопатологическими и клинко-динамическими методами, во многом мы опирались на анамнестическую таблицу А. К. Панасюка [11]. По такой таблице определялось суммарное количество патологических факторов, а также их комбинации.

В последние годы в психологическую практику вошел термин «психологическое здоровье семьи». При этом нужно понимать, что он не совпадает по значению с понятием «психическое здоровье». Его содержание более многогранно и представляет собой многоуровневые качества семейного функционирования [1; 5; 10, с. 191]. «Психологическое здоровье семьи» зависит от многих факторов: социальных, экономических, биологических, психологических и т. д., одним из определяющих факторов рассматривается физическое здоровье членов семьи.

Любые отклонения от нормы на любом уровне отражаются на психическом здоровье не только самого человека, но и на психологическом здоровье всей семьи в целом. Мультидисциплинарный состав бригады позволил провести уникальную комплексную оценку показателей психологического здоровья семьи.

Первое, что обращало на себя внимание – неготовность административных районов, куда переселялись семьи. Это способствовало возникновению сложных и нередко кризисных социально-психологических условий с дальнейшим комплексом негативных последствий. Психическое состояние ребенка, качество его адаптации во многом зависели от того, как складывались отношения внутри семьи, от ее воспитательного потенциала, который определялся как семейной структурой, так и социальным, материальным и образовательным статусами родителей. Все это подвергалось серьезным испытаниям в ситуации миграции. Было принято решение проанализировать характер семейного общения и стиль взаимоотношений родителей и детей как до миграции, так и в изменившихся социально-психологических условиях.

### **Результаты и обсуждение**

Анализ социально-психологической документации, сведения, полученные при беседе с родителями и детьми, а также от смежных специалистов, позволили установить характер материально-бытовых и социально-психологических условий, в которых происходило формирование и психическое развитие детей до миграции.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что у подавляющей части семей (59,3 %) материально-бытовые условия отличались достаточно высоким уровнем: отдельное жилье, материальный достаток, хороший профессиональный статус родителей с постоянной и высокооплачиваемой работой. Только 7,2 % родителей не могли сказать, что они были полностью удовлетворены своим материальным и бытовым положением на прежнем месте жительства.

Следует подчеркнуть, что в семьях данной группы отмечался довольно высокий образовательный уровень. У большинства родителей было высшее (58,6 %) или неоконченное высшее (25,5 %) образование. При этом, как считают многие исследователи, материальные, бытовые, или другие «престижные» показатели не могут в полной мере отразить степень благополучия или неблагополучия в семье. Главный показатель - отношение к ребенку [7; 15; 16]. Однако нельзя было игнорировать указанные факты и систему ценностей семьи в ситуации резких социальных изменений, поскольку ценностные ориентации выступают значимым условием восприятия человеком жизненной ситуации [14].

Исходя из этого, был проанализирован характер внутри семейных отношений в данной группе как до миграции, так и в изменившихся социально-психологических условиях. Обращает на себя внимание, что до миграции социально-психологические характеристики 46,6 % семей соответствовали критериям, которые позволяли отнести их к категории «благополучных». Достаточно часто понимание «неблагополучной» семьи основывается на таких показателях, как внутрисемейные отношения и тип воспитания. Мы также разделяем такой подход, т. к. он в достаточной мере соответствует характеру проведенного исследования.

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что в большинстве случаев внутрисемейные отношения можно было назвать эмоционально-положительными. Как родители, так и дети отмечали конструктивный характер общения, они хотели общаться и получать от этого взаимное удовлетворение.

В процедуре психологического интервью 21,4 % детей отмечали особо, что родители поддерживали высокий уровень включенности в общение с ними. Совершенно естественным были ситуации обсуждения проблем. Более того, 39,1 % детей говорили о том, что их мнение учитывалось, а они сами всегда чувствовали готовность родителей прийти им на помощь, если потребуется. С другой стороны, это сопровождалось высоким уровнем доверия к ребенку и успешности его деятельности.

У таких детей до переселения отмечались умеренно выраженные тенденции к лидерству, время от времени они могли контролировать других, но избегали грубости и некорректности. При этом сами дети не всегда отличались послушанием и их нельзя было назвать полностью контролируруемыми. Кроме того, они были хорошо физически развиты, социально активны, легко устанавливали социальные контакты со сверстниками. Отличались определенными чертами альтруизма, сензитивности и эмпатии.

Родители 27,2 % семей, характеризуя свои воспитательные подходы, отмечали вводимые существенные ограничения в поведение детей. При этом они всегда пытались разъяснить суть и причину ограничений, что способствовало хорошему взаимопониманию с ребенком. А сами дисциплинарные меры не вызывали разногласий между родителями и детьми. К основным характеристикам таких детей можно отнести послушание, внушаемость, иногда даже робость. Они были не слишком настойчивы в достижении своих целей и избегали проявления агрессивности. Следует отметить отдельные ситуативные проявления неблагоприятных воспитательных приемов. Они не носили системного или грубого характера и не отражались на общей психологической атмосфере семьи.

Особое внимание обратили на себя семьи (12,3 %), которые уже в то время практиковали патологические подходы в воспитании. Прежде всего это проявления гиперпротекции (6,1 %), скрытой гипопротекции (2,9 %) и воспитание в условиях повышенной моральной ответственности (3,3 %).

Таким образом, можно было констатировать, что в большинстве семей до миграции были сформированы вполне приемлемые, благоприятные условия и стиль воспитания, что характеризовало семью как стабильную и благополучную. Исходя из этого, ретроспективно оценив весь комплекс позитивных психологических взаимоотношений в этих семьях, которые составили 87,7 % от общего числа, мы условно выделили несколько их моделей.

*Первая модель* отражала гибкое, поддерживающее поведение родителей, с определенной степенью свободы в отношении детей, что позволяло им достаточно легко учитывать и реализовывать потребности ребенка, если это было необходимо. В такой семье дети чувствовали, что они принимаемы, любимы и защищены. Они знали, что их всегда поддержат и поймут. Требования, которые предъявляли родители к ребенку, были последовательны, а в воспитательных приемах практически не было излишнего давления и стремления сформировать те навыки, которые

опережали бы его психическое развитие. Контроль осуществлялся в необходимой мере, родители старались, чтобы он не был жестким и мелочным, а запреты и поощрения были оптимально сбалансированы. В такой ситуации родители, с одной стороны, могли адекватно и своевременно реагировать на потребности ребенка, а с другой – ребенок был готов проявлять самостоятельность и инициативу, что помогало формировать уверенность в своих силах и адекватную самооценку. В дальнейшем именно такие дети продемонстрировали наибольшую стойкость к стрессу социальных изменений. Устойчивость отношений, которая проявлялась в таких семьях при различных неблагоприятных воздействиях, семейная идентичность помогало сохранить её единство и целостность. Ребенок чувствует и воспринимает себя как часть целого, системы, а не противопоставляет свое «Я» семье. Характерологические особенности, которые формировались у детей в таких условиях, можно охарактеризовать как стеничность, самостоятельность, инициативность. При этом у них отмечался высокий уровень адаптационных возможностей. Такой характер семейных взаимоотношений, выявленный в 29,8 % случаев, позволил определить данную модель как «функционально-самодостаточную».

*Во второй модели* также отмечалась достаточно успешная адаптация поведения родителей к потребностям детей. Контроль был более выражен, а для того, чтобы вникнуть в переживания ребенка и сохранить состояние «включенности в его проблемы», от родителей требовались дополнительные усилия и старание. Это получалось не всегда, что нарушало спонтанность и непосредственность общения, а во внутрисемейную коммуникацию вносило некоторое напряжение. Такая воспитательная ситуация отличалась тем, что, находясь в центре внимания, личная свобода ребенка подчинялась довольно твердой регламентации. Излишняя опека родителей проявлялась категоричностью их позиций, требований, тенденциями навязать своё мнение и готовые решения, а заведённые в доме порядки и правила подлежали неукоснительному выполнению. Система запретов и поощрений строго контролировалась. Дети не чувствовали в полной мере идентичность семьи как системы. Это иногда приводило к внутреннему противопоставлению ребёнком чувств «Я» и «Мы». Строгая дисциплина и определенное ограничение самостоятельности привели к тому, что у детей формировались характерологические особенности. Они были достаточно общительны, с лидерскими тенденциями в поведении, но при этом были несколько эмоционально неустойчивы, что, впрочем, не влияло фатально на формирование адаптационных механизмов. Такие воспитательные подходы обнаружили у 21,9 % семей. Указанные характеристики в полной мере соответствовали определению их как «функционально-ригористической» модели (от лат. *rigor* – строгость, соблюдение правил, нравственности, предписаний).

*В третьей модели* (20,3 %) внимание родителей к проблемам детей было можно было назвать ограниченным. Проявление заботы в большей мере было результатом заостренного чувства долга и повышенной принципиальности (или гиперсоциальности). Это в свою очередь определяло некоторую «заданность» в отношениях с детьми. Родители не отличались высоким уровнем педагогических знаний и их недостаток стремились компенсировать информацией из средств массовой информации,

публичных лекций или бесед с другими родителями. Этим можно объяснить тот факт, что не был сформирован единый родительский воспитательский стиль. Он зависел от тех рекомендаций, которые они считали наиболее актуальными в данный момент. Вновь полученные сведения или рекомендации могли легко поменять стиль воспитания. Нередко родители были непостоянны в своем поведении, а требования отличались амбивалентностью.

Выработанная и устоявшаяся система запретов также была противоречивой. В семейной идентичности существенно противопоставлялись «Я» и «Мы». Это объясняло низкую стабильность и способность противостоять дестабилизирующим воздействиям таких семей.

В данной модели происходило формирование как стеничных, так и астеничных радикалов детей. Дети со стеничными чертами были активны, общительны, эмоционально контактными. В своих поступках, как правило, руководствовались принятыми правилами и ограничениями. У астеничных детей отмечались робость, замкнутость, тревожность, повышенная впечатлительность, лёгкая ранимость. Таким образом, комплекс социальных и психолого-педагогических характеристик, описанных семьей, дали основание обозначить эту модель как «функционально-конформистскую» (от лат. *conformis* – подобный, соответствующий, стремление к единомыслию).

Поведение родителей в четвертой модели (15,7 %) отличалось непоследовательным характером. Воспитательные ресурсы были ограниченными. Это приводило к тому, что требования, которые предъявляли родители к своим детям, не всегда соответствовали их возрастным возможностям, что резко снижало степень доверительности в отношениях. Родители в таких семьях стремились развивать и формировать психику ребенка исключительно согласуясь с собственными представлениями, а не с реальными его потребностями. Чрезмерный контроль они объясняли тревогой за детей, желанием оградить их от возможных неудач и т. д. В таких семьях затруднительно было выявить явного лидера. Внешнее социальное взаимодействие также выглядело ограниченным. Семьи неохотно устанавливали новые знакомства и избегали формировать новые взаимоотношения, но родственные связи и отношения с друзьями поддерживались охотно и регулярно. Отсюда отдых подразумевал исключительно семейный круг лиц. Если возникала необходимость расширить социальные контакты, то неизбежно нарастало психологическое напряжение. Локус контроля семьи – внешний. Значимыми всегда рассматривались мнения окружающих людей, знакомых, «старались, чтобы их дети выглядели не хуже других». Идентичность и устойчивость такой системы к неблагоприятным социальным изменениям оказалась самой низкой из всех моделей. В такой внутренней атмосфере дети формировали астеничные черты личности. Они жаловались на спокойный сон, плохой аппетит, отмечались повышенной тревожностью и впечатлительностью. Их психическая адаптивность и стрессоустойчивость в психогенных условиях резко ослаблялись. Такие общие характеристики, как низкая толерантность к социальным изменениям, ограниченный и инертный характер социально-психологической активности, подверженность деструктивным воздействиям и т. д., дают основание рассматривать данную модель как «функционально-реверсивную» (от лат. *reversus* – обратный, здесь: у которых можно изменять направление).

Если первую модель можно считать формирующей достаточно здоровые отношения в семье и гармоничный стиль воспитания, то в трех других отмечаются некоторые отрицательные тенденции, которые создавали условия для нарушения психологического здоровья семьи в стрессовых условиях. Вместе с тем, если социальные условия сохраняли стабильность, то дети не проявляли признаков девиаций, а сами семьи выглядели полностью социально адаптированными.

Описанные проявления можно с полным основанием определить как своеобразную акцентуацию семьи. Даже в относительно нормальных условиях, когда уровень жизнедеятельности достаточно высокий, они демонстрировали определённое несовершенство психологического взаимодействия. Такие недостатки проявлялись исключительно внутри семейной системы и только в определенных условиях, что не препятствовало нормальному социальному функционированию. Несмотря на некоторую акцентуированность, описанные семьи несомненно должны рассматриваться в рамках нормы.

Таким образом, учитывая рассмотренные социально-психологические характеристики, можно утверждать, что первая модель образует тип семей, который можно обозначить как «благополучный – психологически устойчивый», а следующие три – «относительно благополучный, или акцентуированный» тип.

Представляя указанные выше модели семей как «благополучные», необходимо отметить значительное многообразие в проявлении такого благополучия. Проведенный анализ показал, что различная степень психологической устойчивости напрямую связана и с потенциальными возможностями семьи противостоять деструктивным воздействиям, сохранять свою идентичность, стабильность и функциональную полноценность. Исходя из практического опыта работы, представляется целесообразным выделить отдельную шкалу успешности социально-психологического функционирования. Такая шкала поможет наглядно проследить постепенное изменение структуры семьи от стабильного и благополучного к определенным степеням акцентуации и, наконец, к нарушенным, патологическим дисфункциональным состояниям.

Такая шкала могла бы иметь серьезное прикладное значение. Опираясь на её различные уровни, достаточно легко определить риск возникновения дестабилизации или нарушения структуры любой семьи. Такое положение свидетельствует о том, что совершенно неправомерно понимать «благополучие» и «неблагополучие» семьи как статичные, неизменные, и тем более фиксированные состояния. В то же время континуум «благополучие – неблагополучие» позволяет воспринимать их как непрерывный динамический процесс, в котором заложено и понимание качества семьи как системы, и ее устойчивость к патогенным воздействиям, и адаптационный уровень.

Как свидетельствует проведенное исследование, снижение уровня жизни, изменение политической обстановки, потеря чувства защищенности граждан в тех странах, где проживали изученные семьи, создавали возможность их разнообразной дискриминации. Это во многом определило необходимость вынужденного переселения. При этом в 38 наблюдениях (65,5 %) решение принималось семьи взвешенно. Насколько позволяли возможности, переезд был подготовлен заранее: было найдено жилье, работа и т. д. Более того, 12 семей (20,7 %) поселили

у себя близкие родственники. Они оказали им временную поддержку. Другие 20 семей (34,5 %) были вынуждены в спешке покинуть дом. Имущество продавалось по заниженным ценам, ясных перспектив на новом месте не было. Именно такие семьи попадали в ситуацию социально-психологического кризиса.

Несомненно, любая миграция, изменяя природно-климатических условий, жизненного стереотипа, социально-экономического статуса, системы взаимодействия в семье, межличностных контактов предъявляют повышенные требования к защитным и адаптационным механизмам индивида [2; 9; 13; 17; 18]. На новом месте родители неизбежно испытывали психическое перенапряжение, вызванное вынужденной сменой места жительства, материальными трудностями, бытовой неустроенностью, неопределенными перспективами. Такие социальные изменения не только ломали привычный жизненный стереотип семьи, но и связанные с этим внутрисемейные отношения. Наши наблюдения подтверждают данные других научных исследований [4; 15; 19], утверждающих, что эти обстоятельства существенно влияют на психическое состояние детей. Кардинально меняется вся их мотивационно-потребностная сфера, установки, отношения, интегрированность поведения, механизмы психологической защиты и т. д. Это приводит к тому, что ребенок оказывается в ситуации длительной адаптационной напряженности. И чем дольше сохраняется такая напряженность, тем выше риск срыва механизмов адаптации – «психоадаптационных состояний», как их определял академик В. Я. Семке [12].

Полученные результаты подтвердили наши предположения о том, что социально-психологический кризис семьи приведет к изменению ее структуры, общего психологического статуса и главным образом скажется на системе воспитания.

Прежде всего, как показали исследования, в семьях мигрантов значительно вырос процент разводов. Так, в момент миграции распалось 19 семей (16,4 %), еще 7 (6,0 %) находились в процессе распада. Нарастал уровень конфликтности между супругами и напряженность во взаимоотношениях с детьми.

В семьях, которые сохранили свою структуру, социальный статус также был нарушен. Менялась общая атмосфера семьи, появлялись выраженные признаки психологической напряженности. Во многих семьях стали меняться воспитательные подходы. В результате психологического напряжения участились конфликты, которые происходили на глазах у детей. Анализ ситуации говорит о том, что число распавшихся семей увеличилось почти в 8 раз. В то время как до миграции не было семей, которым угрожал развод, то в первый год после переезда их отмечалось почти 6,0 %, в 46,6 % семей резко усилились конфликтные взаимоотношения. Это почти в 3 раза выше, чем до миграции. В результате того, что некоторые семьи не смогли приспособиться к новым условиям, в 7,8 % наблюдений появились асоциальные формы поведения.

В последние годы в терминологическое пространство психологической науки прочно вошло понятие «виктимизация». Первоначально оно относилось исключительно к юридической психологии и обозначало различные процессы превращения человека в жертву обстоятельств или других людей. В связи с проблемами неблагоприятных обстоятельств социализации ребенка появилось по-

нятие социально-педагогической виктимологии. Сегодня она определяется как отрасль знания, входящая составной частью в социальную педагогику, изучающую различные категории людей – реальных и потенциальных жертв неблагоприятных условий социализации. При этом наличие условий, которые способствуют процессу превращения человека в жертву социализации, называется виктимогенностью, сам же процесс и результат такого превращения – виктимизацией [3; 4; 8].

Постановка целей и задач в проводимом исследовании требовали конкретных характеристик микросоциально-психологических проявлений, которые напрямую были бы связаны с влиянием такого специфического социального фактора, как вынужденное переселение. Незнакомая социальная среда, в которую попали семьи в силу сложившихся обстоятельств, стресс, связанный с непредвиденным структурным реформированием семьи, оказались теми факторами, которые позволили обобщить их в понятии «виктимогенные семьи».

Результаты углубленного обследования свидетельствовали о том, что именно эта трансформация семейного статуса лежала в основе причин формирования депривационного развития детей. Более того, обследованные дети мигрантов представляли собой уникальную модель для изучения депривационных состояний, возникших как следствие виктимизации жизни. Этот процесс оказался представленным множеством взаимообусловленных неблагоприятных ситуаций, которые выглядели для испытуемых трудноразрешимыми.

Самой острой для всех семей оказалась проблема жилья, нередко она воспринималась как экстремальная. При этом отсутствие в течение длительного времени постоянной работы приводило к резкому снижению материального обеспечения.

Дополнительные сложности для успешной адаптации на новом месте возникали у лиц с высшим и средним специальным образованием в условиях значительного уровня безработицы. Так, лишь 5,3 % из них смогли работать по специальности, при том что 80,7 % получили ту или иную работу, обеспечивающую их минимальный прожиточный уровень. Социально-правовая незащищенность, частичное или полное выпадение из социального поля, подверженность т. н. информационной психической травматизации, резкое ухудшение социального статуса способствовали формированию разнообразных депривационных условий в семье, в которые попадал ребенок.

Были все основания предположить, что глубина нарушения функциональной структуры семьи в новых условиях будет зависеть от изначального её потенциала, от степени прежней гармоничности отношений, а также от тяжести и продолжительности переживаемого критического периода трудностей, с которыми они столкнулись. Выделенные основные показатели представляются очень важными для понимания того, что семьи и в «неблагополучной» оси континуума располагаются динамично и не могут быть жестко фиксированы. Степень неблагополучия в данном случае определялась глубиной ущерба и лишений, которые несла семья, попав в неблагоприятные условия. Исходя из вышесказанного, мы попытались проанализировать эти отрицательные последствия. Согласно всем полученным определениям, которые адресовались к таким семьям, можно было сформулировать их общие основные черты.

Семьи, структура которых после миграции претерпела максимальные аномальные изменения, понесли наибольший урон во всех отношениях. Анализ результатов свидетельствует, что в этих семьях стремительно нарастало как социальное, так и эмоциональное напряжение. Это напряжение усиливалось и легко передавалось детям. Если семья не могла справиться с массой проблем, то возрастала частота конфликтов, участниками которых становились и дети. Взрослые по мере сил пытались решать возникшие бытовые и материальные проблемы, но если они сталкивались с хроническими неудачами, то неизбежно возникало чувство безнадежности, снижалось настроение вплоть до депрессий, а в семье падала дисциплина, терялась способность к конструктивным действиям. Нередко происходило и морально-нравственное падение с полной дисгармонией и педагогической несостоятельностью, а дети страдали от многообразных лишений. Гнев нередко сопровождался актами физического, вербального насилия, выкрикивались оскорбительные и непростительные слова. Дети, как правило, были свидетелями таких конфликтов, испытывали чувство растерянности, заброшенности. Именно среди них появлялись конфликтные, асоциальные семьи и семьи с наркологическими проблемами. Как представляется, характеристика таких семей ближе всего стояла к пониманию их как *деструктивных* (25,9%). Эту группу, как правило, составляли семьи, которые трансформировались из функционально-реверсивных и функционально-ригористических моделей, а также и прежде бывших неблагополучными.

Другая модель аномального семейного взаимодействия была связана с серьезными изменениями самой структуры семьи. В этих случаях родители не смогли совместно справиться с многообразием трудностей. Они лишались способностей слушать друг друга и адекватно реагировать на взаимные просьбы и желания. Чаще всего это было следствием высокого уровня эмоционального напряжения, раздражения друг к другу, что разрушало взаимные контакты и достаточно быстро приводило к разрыву. Наблюдался и другой характер аномальности, когда детей при переезде на длительное время оставляли у бабушек и дедушек «пока все не устроится». Этот прием чаще использовался в неполных семьях одинокой матерью. Он оказывался малоперспективным, так как дети надолго выпадали из-под родительского контроля. После стабилизации жизненной ситуации возвращенные в семью дети оказывались либо в неполной семье, либо с появившимся отчимом. Лишившись прародительского внимания, заботы и определенной системы воспитания, ребенок мог столкнуться либо с условиями отвержения, либо с завышенными требованиями. Возникали переживания утраты родительской любви, помощи, ожиданий. Потери сопровождалась снижением доверия, беспокойством, тревогой, неумением устанавливать контакты, обидой на родителей. В рамках подобных трансформаций семейной атмосферы находились чаще всего разведенные и разводящиеся семьи, неполные, семьи с деформированной структурой. Они достаточно обоснованно определялись как *диссоциированные* (27,6%). В этой группе аномальной структуры чаще можно было наблюдать семьи как уже бывшие неблагополучными, так и функционально-ригористические и функционально-конформистские ранее.

К самостоятельной модели были отнесены семьи, в которых тягостный переходный период сопровождался

высоким напряжением всех семейных функций. Тяжелому испытанию подвергалось семейное взаимодействие. Первые трудности обустройства с переживанием определенной изоляции и недопониманием нередко представлялись почти не решаемыми. Некоторое снижение социальной компетентности, неоправданность надежд и устремлений действовали дестабилизирующим образом. Вместе с тем относительная согласованность взаимодействия, аутентичность отношений и поддержка членов семьи друг другом в большинстве случаев предопределили характер нарушений, связанных с тяжелыми последствиями миграционного периода. Чем труднее была жизненная ситуация, тем больше в семье росло напряжение, тревога, чувство вины, ответственность за неудачу и опасные негативные взаимодействия. При этом дети попадали в конфликт между ценностями семьи и новыми социальными требованиями и установками. Эмоциональная напряженность воспитательной функции приводила к эмоциональному ущемлению детей. Эти семьи можно было определить как *декомпенсированные* (30,2%), которые в основном оказались представлены в прошлом функционально-самодостаточными и функционально-ригористическими. Несмотря на переживаемый стресс социальных изменений, большинство таких семей стремилось общими усилиями преодолеть трудности и выйти из сложившейся ситуации с наименьшими потерями. Успех достигался быстрее, если такой семье была оказана своевременная морально-психологическая поддержка, особенно со стороны родственников.

Успешнее всего проходили миграционный период и стабилизацию жизнедеятельности семьи функционально-самодостаточной модели. Они увереннее справлялись с возникающими проблемами, что было типично для любой семьи, столкнувшейся с переменами и переживаниями, которые приносила в жизнь миграция (16,3%).

### Заключение

Указанные факторы, которые с полным правом можно определить как виктимогенные, имели фатальное влияние на процесс семейного воспитания. Понятно, что большинство семей в стрессовой ситуации вынужденной миграции направили все свои основные усилия на выживание. Это привело к тому, что резко упал их воспитательный потенциал. Еще Ц. П. Короленко [8, с. 97] отмечал, что в виктимогенной семье часто формируется особый механизм аномальной социализации – т. н. «созависимость» родственников. В этих случаях у детей формируются специфические психические комплексы, которые впоследствии заставляют воспроизводить усвоенные от родителей шаблоны поведения и построения отношений. Очевидно, что именно такие отношения наблюдались нами среди семей мигрантов, и в первую очередь там, где отмечался относительно низкий уровень культурного, экономического развития и социального статуса. Совершенно очевидно, что нельзя понять и оценить состояние и перспективы адаптации ребенка, игнорируя перемены, происходившие с семьей после иммиграции. В результате потерь, которые несет семья и возникновение новых и неотложных проблем, связанных с устройством новой жизни, в большинстве семей приводит к структурной дезорганизации. Весь комплекс негативных влияний подвергает испытаниям в первую очередь систему отношений и воспитания детей в новых условиях. А характер трансформации семейной струк-

туры в значительной мере зависит от тяжести переживаемого кризиса и выбранного пути по его преодолению.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что нарушение социально-психологических условий и психологического здоровья семьи в результате

миграции может фатальным образом повлиять на ее структуру и систему воспитания. При этом степень деформации будет во многом определяться прежней готовностью семьи к стрессу социальных изменений и качеством внутрисемейного взаимодействия.

### Литература

1. Андриенко Е. В. Социальная психология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2000. 264 с.
2. Балл Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92 – 100.
3. Бодалёв А. А., Столин В. В. О перестройке в психологии // Психол. журнал. 1988. № 3. Т. 9. С. 16 – 25.
4. Буторин Г. Г. Психические состояния депривационного генеза в структуре школьной дезадаптации: дис. ... д-ра психол. наук. Челябинск, 2004. 363 с.
5. Буянов М. И. Ребенок из неблагополучной семьи. М.: Просвещение, 1988. 207 с.
6. Дмитриева Т. Б., Иммерман К. Л., Мухамадиев Д. М. О факторах социально-психологической дезадаптации беженцев в местах их временного пребывания // Рос. психиатр. журн. 2000. № 6. С. 53 – 56.
7. Захаров А. И. Неврозы у детей и подростков. Л.: Медицина, 1988. 248 с.
8. Короленко Ц. П., Донских Т. А. Семь путей к катастрофе. Новосибирск, 1990. 224 с.
9. Красик Е. Д. Этнокультуральные вопросы адаптации мигрантов из различных возрастных групп // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии. Вып. 10. Томск, 2001. С. 51 – 52.
10. Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. М., 1997. 365 с.
11. Панасюк А. Ю. Разработка и практическое применение таблицы для оценки общей степени вредности в пре-, интра- и постнатальный периоды развития детей по анамнестическим данным // Проблемы общего психического недоразвития. Л., 1976. С. 155 – 160.
12. Семке В. Я. Клиническая персонология. Томск: РАСКО, 2001. 376 с.
13. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. № 43. Т. 8. С. 12. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (дата обращения: 28.02.2016).
14. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как фактор обуславливания сложной жизненной ситуации человека // Личность в экстремальных условиях. Вып. 2: сб. науч. тр.: в 2 ч. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. С. 134 – 141.
15. Торохтий В. С. Психология социальной работы с семьёй. М., 1996. 218 с.
16. Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений: курс лекций. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 512 с.
17. Garralda M., Rangel L. Chronic fatigue syndrome in children and adolescent // Journal of child and adolescent psychiatry, 2000. 43:2. P. 169 – 176.
18. Harbauer H., Lemmp R., Nissen G. Lehrbuch der speziellen Kinder- und Jugendpsychiatrie. Berlin: Heidelberg: New York: Springer, 1971. 392 s.
19. Schneider K. Die Psychopathischen Persönlichkeiten. Leipzig, Wien: Franz Deuticke, 1928. 87 s.

## PATHOLOGICAL TRANSFORMATION OF FAMILY STRUCTURE UNDER CONDITIONS OF FORCED MIGRATION

Gennady G. Butorin<sup>1, @1</sup>, Larisa A. Benko<sup>2, @2</sup>

<sup>1</sup> Chelyabinsk State Pedagogical University, 69, Lenina prospect, Chelyabinsk, Russia, 454080

<sup>2</sup> South Ural State Medical University, 64, Vorovsky street, Chelyabinsk, Russia, 454092

@<sup>1</sup> [g1966@mail.ru](mailto:g1966@mail.ru)

@<sup>2</sup> [larisbenko@mail.ru](mailto:larisbenko@mail.ru)

Received 22.03.2016.

Accepted 16.06.2016.

**Keywords:** psychological health of the family, forced migration, socio-psychological crisis, family model.

**Abstract:** A multi-disciplinary team of pediatricians, child neurologists and psychiatrists, school psychologists, speech therapists, speech pathologists, and specialists in social work explored the dynamics of psychological health of 121 families of Russian-speaking migrants from the former Soviet republics in conditions of migration. The nature of family communication and the relationships of parents and children in this group were analyzed, both prior migration, and in the changed socio-psychological conditions. In most cases, in the families before the migration it was possible to state adequate conditions and parenting style which characterized the family as stable and prosperous. Evaluating retrospectively all positive mental attitude of parents to the children in these families, we allocated some models of them.

As the research has shown, a social-psychological crisis of the family causes change in its structure, in the general psychological status of the family and affects primarily the system of upbringing. In migrants' families there was a significant increase in divorces. In those families that preserved their structure disturbances of social status were accompanied by changes in the general atmosphere of the family with a more or less pronounced signs of psychological tension. In many families a change educational approaches was detected. As a result of psychological stress, the number of conflict situations witnessed by children dramatically increased. The results of the study show that the number of divorced families has increased by almost 8 times. In addition, families on the verge of divorce have been identified with a more conflict relationship. The inability of families to effectively adapt to new conditions became the cause of antisocial behavior in children.

**For citation:** Butorin G. G., Benko L. A. Patologicheskaya transformatsiya struktury sem'i v usloviakh vynuzhdennoi migratsii [Pathological transformation of family structure under conditions of forced migration]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 134 – 141. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-134-141.

### References

1. Andrienko E. V. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Ed. Slavenin V. A. Moscow: Izd. tsentr «Akademii», 2000, 264 s.
2. Ball G. A. Poniatie adaptatsii i ego znachenie dlia psikhologii lichnosti [Concept of adaptation and its value for psychology of the personality]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 1 (1989): 92 – 100.
3. Bodalev A. A., Stolin V. V. O perestroike v psikhologii [About reconstruction at Psychology]. *Psikholog. Zhurnal = Journal of Psychology*, 9, no. 3 (1988): 16 – 25.
4. Butorin G. G. *Psikhicheskie sostoyaniya deprivatsionnogo geneza v strukture shkol'noi dezadaptatsii*. Diss. doktora psikholog. nauk [Mental conditions of deprivational genesis in structure of school disadaptation. Dr. psychol. Sci. Diss.]. Chelyabinsk, 2004, 363.
5. Buianov M. I. *Rebenok iz neblagopoluchnoi sem'i* [The child from a dysfunctional family]. Moscow: Prosveshchenie, 1988, 207.
6. Dmitrieva T. B., Immerman K. L., Mukhamadiev D. M. O faktorakh sotsial'no-psikhologicheskoi deza-daptatsii bezhentsev v mestakh ikh vremennogo prebyvaniia [About factors of social and psychological disadaptation of refugees in places of their temporary stay]. *Ros. Psikhiatr. Zhurn = Russian journal of psychiatry*, no. 6 (2000): 53 – 56.
7. Zakharov A. I. *Nevrozy u detei i podrostkov* [Neuroses at children and teenagers]. Leningrad: Meditsina, 1988, 248.
8. Korolenko Ts. P., Donskikh T. A. *Sem' putei k katastrofe* [Seven ways to accident]. Novosibirsk, 1990, 224 c.
9. Krasik E. D. Etnokul'tural'nye voprosy adaptatsii migrantov iz razlichnykh vozrastnykh grupp [Ethnocultural questions of adaptation of migrants from various age groups]. *Aktual'nye voprosy psikhiiatrii i narkologii = Topical issues of psychiatry and narcology*, no. 10 (2001): 51 – 52.
10. Mudrik A. V. *Vvedenie v sotsial'nuiu pedagogiku* [Introduction to social pedagogics]. Moscow, 1997, 365.
11. Panasiuk A. Iu. Razrabotka i prakticheskoe primenenie tablitsy dlya otsenki obshchei stepeni vredno-sti v pre-, intra- i postnatal'nyi periody razvitiya detei po anamnestichestkim dannym [The development and practical application of tables to assess the overall degree of hazard in the pre-, intra- and postnatal periods of development of children according to anamnestic data]. *Problemy obshchego psikhicheskogo nedorazvitiia* [Problems General mental underdevelopment]. Leningrad, 1976, 155 – 160.
12. Semke V. Ia. *Klinicheskaya personologiya* [Clinical Personology]. Tomsk: MGP «RASKO», 2001, 376.
13. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Smyslovye aspekty perezhivaniia krizisa sotsial'noi identichnosti pri vynuzhdennoi smene zhiznennoi situatsii [Semantic aspects of experience of crisis of social identity at the compelled change of a life situation]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 8, no. 43 (2015): 12. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 28.02.2016)
14. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Tsennostnye orientatsii lichnosti kak faktor obuslovlivaniya slozhnoi zhiznennoi situatsii cheloveka [Value orientations of personality as a factor conditioning a difficult situation man]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviakh* [Personality in extreme conditions]. Iss. 2, part 2 (2012): 134 – 141.
15. Torokhtii V. S. *Psikhologiya sotsial'noi raboty s sem'ei* [Psychology of social work with family]. Moscow, 1996, 218.
16. Shneider L. B. *Psikhologiya semeinykh otnoshenii* [Psychology of family relations]. Moscow: Aprel'-Press, Izd-vo EKSMO-Press, 2000, 512.
17. Garralda M., Rangel L. Chronic fatigue syndrome in children and adolescent. *Journal of child and adolescent psychiatry*. 43:2 (2000): 169 – 176.
18. Harbauer H., Lemmp R., Nissen G. *Lehrbuch der speziellen Kinder- und Jugendpsychiatrie*. Berlin: Heidelberg: New York: Springer, 1971, 392.
19. Schneider K. *Die Psychopathischen Persönlichkeiten*. Leipzig, Wien: Franz Deuticke, 1928, 87.